УДК 9.903.7 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.4.67.77

ТИПОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСОВ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2026 г. А.М. Курбонов, Ш.Б. Шайдуллаев, Е.Е.Воробьева, Р.Р. Фахрутдинов, Е.Н.Голубева

Статья посвящена комплексному анализу монументальных сооружений на территории Бактрии и Маргианы в эпоху бронзы (рубеж III–II – первая половина II тыс. до н.э.). На материалах археологических исследований ключевых памятников (Гонур, Тоголок, Джаркутан, Дашли) Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) авторы предлагают новую типологию монументальных комплексов. Классификация основана на объективных критериях: особенностях архитектурной планировки, организации внутреннего пространства и специфике археологического инвентаря. Важно подчеркнуть, что авторы используют термин «храм», как условное обозначение, и ставят целью верификацию гипотезы о существовании специализированных культовых центров. В результате исследования делается вывод о полифункциональности монументальных комплексов, которые выступали в роли общественно-культовых центров, обеспечивавших социальную интеграцию и управление. Их функционирование свидетельствует о наличии в обществе БМАК консолидированной элиты, совмещавшей религиозные, военные и административные функции в период формирования стратифицированного общества.

Ключевые слова: археология, Центральная Азия, эпоха бронзы, БМАК, Бактрия, Маргиана, храм, алтарь, типология, элита.

TYPOLOGY AND SOCIAL ROLE OF TEMPLE COMPLEXES IN BRONZE AGE BACTRIA AND MARGIANA

A.M. Kurbonov, Sh.B. Shaydullaev, E.E. Vorobieva, R.R. Fakhrutdinov, E.N. Golubeva

The article deals with a comprehensive analysis of monumental structures on the territory of Bronze Age Bactria and Margiana (the turn of the III–II – the first half of the II millennium BC). Based on the materials of archaeological research of key sites (Gonur, Togolok, Jarkutan, Dashli) of the Bactrian-Margian Archaeological Complex (BMAK) the authors propose a new typology of monumental complexes. The classification is based on objective criteria: the features of the architectural layout, the organization of the interior space and the specifics of the archaeological inventory. It is important to emphasize that the authors use the term "temple" as a symbol and aim to verify the hypothesis of the existence of specialized cult centers. The study concludes that monumental complexes were multifunctional, serving as public and cult centers that facilitated social integration and governance.Their functioning indicates the presence of a consolidated elite in the BMAK society that combined religious, military and administrative functions during the formation of a stratified society.

Keywords: archaeology, Central Asia, Bronze Age, BMAK, Bactria, Margiana, temple, altar, typology, elite.

Изучение монументальной архитектуры эпохи бронзы Центральной Азии остаётся одной из ключевых проблем археологии. На рубеже III/II и в первой половине II тыс. до н. э. на территории Бактрии (бассейн р. Амударьи) и Маргианы (дельта р. Мургаб) в рамках Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (далее – БМАК), известного также в центральноазиатской археологии как цивилизация Окса, сформировались сложные архитектурные ансамбли, традиционно интерпретируемые как храмы. Монументальные комплексы БМАК, исследуемые на ключевых археологических объектах (Гонур, Тоголок, Джаркутан, Дашли), уже несколько десятилетий находятся в центре внимания специалистов (Аскаров, 1989; Сарианиди В.И., 1977, 1977а; Sarianidi, 1986, 1994; Хуфф, Шайдуллаев, 1999). С момента открытия памятников БМАК активно обсуждаются вопросы о функ-

циональном назначении и роли монументальных храмовых комплексов в обществе.

Первооткрыватель и ведущий исследователь памятников дельты р. Мургаб (Гонур-депе и Тоголок) В.И. Сарианиди последовательно отстаивал точку зрения о храмовом характере комплексов на примере археологических исследований Гонура и Тоголока (Сарианиди, 1984, 1989, 1990, 1990а, 1994, 1997, 2004, 2010). Основываясь на специфических архитектурных формах (алтари, жертвенники, «храмы огня» и «храмы воды») и находках предметов, связываемых с культовой практикой (ритуальная посуда, каменные и глиняные «скипетры», предметы с солярной и зооморфной символикой), В.И. Сарианиди интерпретировал эти сооружения как центры протозороастрийского культа (Сарианиди, 1990, 1998, 2007). В данной модели храм выступает как доминирующий идеологический и, вероятно, административный институт, вокруг которых консолидировалось общество и формировалась ранняя жреческая элита.

Исследователи, работавшие преимущественно на памятниках Бактрии (бассейн р. Амударьи), также признают культовую функцию рассматриваемых построек и акцентируют внимание на более широком социально-политическом контексте. Они подчеркивают, что эти здания были:

Центрами власти и управления. Их монументальность и расположение в центре поселений свидетельствуют о концентрации властных полномочий.

Резиденциями формирующейся элиты (включая жречество), контролировавшей ключевые ресурсы и символический капитал (Шайдуллаев, 2009, с. 107).

Административными узлами, о чем говорят находки многочисленных печатей и булл, служивших для учета и контроля товаров (Аскаров, Ширинов, 1985, с. 16–17; Шайдуллаева, Курбонов А.М., 2023; Курбонов, 2023, 2024).

Инструментом социальной стратификации и идеологической консолидации (Шайдуллаев, 2009, с. 58).

В этой парадигме храмы – это уже не только места для ритуалов, а полифункциональные институты, сочетавшие религиозную, административную и экономическую власть, что сближает их с понятием «протогосударственных» центров.

Ряд исследователей (Lamberg-Karlovsky, 1994; Francfort, 1984, 1994) подвергли прямолинейную «храмовую» интерпретацию сомнению. Проводя сравнительный анализ с синхронными цивилизациями Ближнего Востока, они указывают на отсутствие прямых письменных свидетельств, на сходство планировок некоторых построек с крупными общинными домами или резиденциями вождей. Так, например, H.-P. Francfort напрямую ставит вопрос о правомерности однозначной «храмовой» атрибуции. Он указывает, что многие архитектурные элементы (большие залы, платформы) имеют аналоги в светской (дворцовой) архитектуре Месопотамии и Ирана. Его сравнительный анализ показывает, что для уверенной интерпретации функции недостаточно лишь архитектурных аналогий, необходим скрупулезный анализ контекста находок внутри этих сооружений (Francfort, 1994; Francfort at al., 2005).

C.C. Lamberg-Karlovsky говорит о «вождествах» (chiefdoms) или т. н. «ханатах» бронзового века, избегая терминов «государство» или «храмовое хозяйство» в их классическом месопотамском понимании. Исследователь акцентирует внимание на региональной специфике и возможности существования различных моделей социальной организации, не обязательно центрированных исключительно на храме (Lamberg-Karlovsky, 1994).

Таким образом, в современной науке сформировалась дихотомия интерпретаций: с одной стороны – культово-ритуальная модель (преимущественно для Маргианы), а с другой – социополитическая и административная модель (чаще для Бактрии). Утверждения о «жреческой элите» или «административном контроле» не всегда подкрепляются детальным анализом того, какие именно артефакты, в каких конкретно зонах сооружений были найдены. Отсутствует единая типология, которая бы классифицировала эти комплексы не по умозрительным функциям, а по объективным, верифицируемым критериям: планировке, характеру внутреннего пространства и специфике материальных находок. Для продвижения в решении вопроса необходим системный анализ археологических данных эталонных памятников БМАК – Гонура, Тоголока, Джаркутана и Дашли (рис. 1) – и определение на этой основе их вероятной полифункциональной роли.

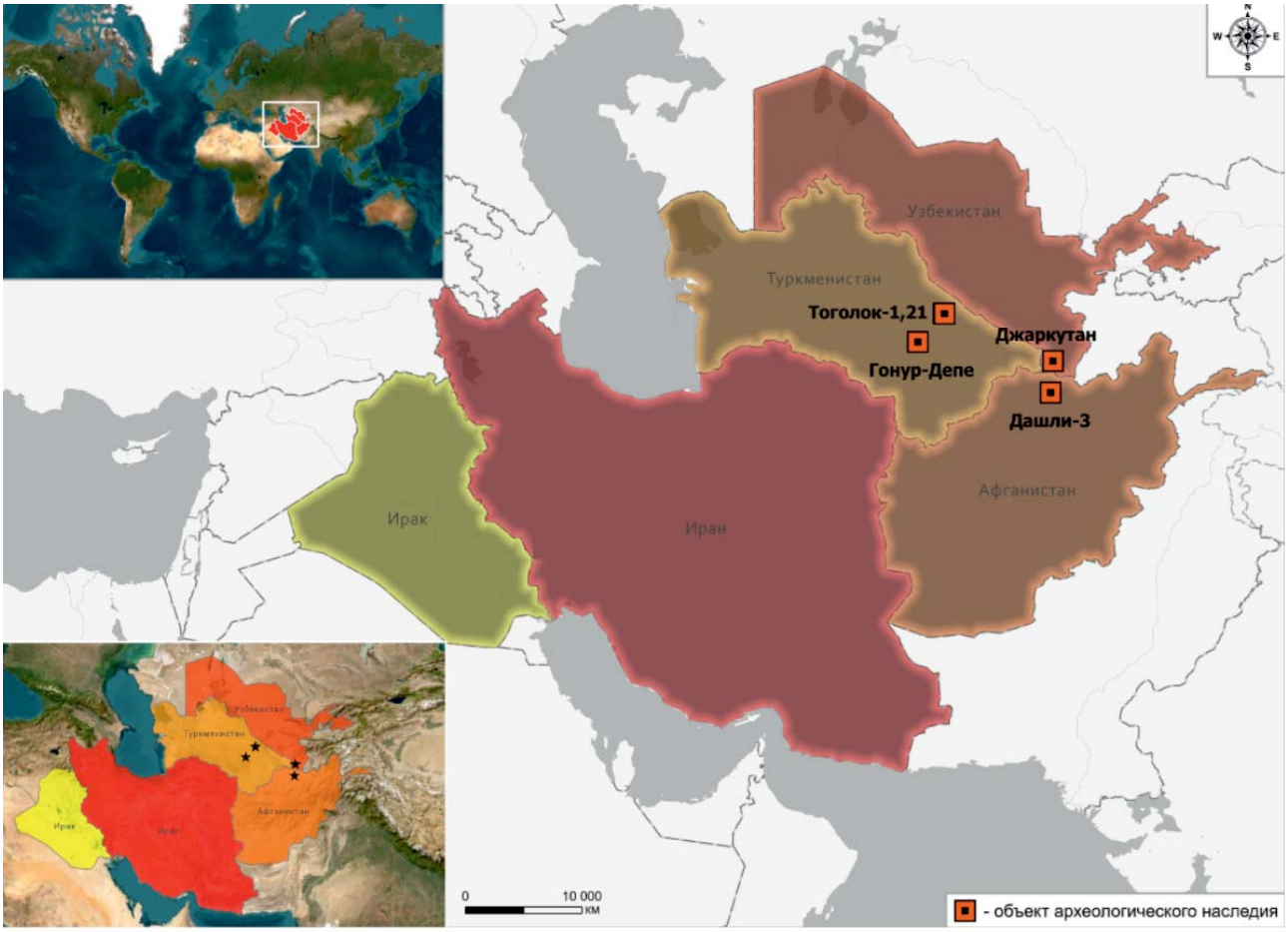

Рис. 1. Памятники Центральной Азии и Среднего Востока.
Fig. 1. Monuments of Central Asia and the Middle East.

Предположительно, процесс возникновения и развития храмовых центров был связан с комплексом социально-экономических процессов эпохи бронзы. Концентрация населения в крупных поселениях, зафиксированная археологически (например, площадь Гонура достигает 55 га), наличие специализированных ремесленных кварталов, выявленных на Джаркутане и Гонуре, и, что наиболее важно, имущественная дифференциация, убедительно документированная материалами некрополей (Дубова, 2004; Хамидов, Каттаева, 2025), могли создавать предпосылки для возникновения т. н. «религиозных» центров как самостоятельных институтов (Sarianidi, 1981).

Другим важным фактором развития храмов в бронзовом веке стало ускорение процессов социальной стратификации. Углубление разделения труда, выделение жреческого сословия и его возвышение до группы, обладающей специализированными религиозными знаниями, потребовали возведения храмов как особых архитектурных комплексов (Шайдуллаев, 2009). Однако, как будет показано ниже, археологические материалы БМАК не дают однозначных свидетельств о существовании обособленного жреческого сословия. Находки печатей и булл, интерпретируемые как инструменты учета, скорее указывают на контроль элиты над экономическими ресурсами, на ее статус как распределителей продуктов и участников принятия политических решений. В то же время данные артефакты не позволяют утверждать, что этот контроль осуществлялся именно жречеством (Francfort, 1994, 2009; Salvatori, 2000).

К числу ключевых факторов формирования храмов относятся и древние верования, такие как культ огня, воды, небесных светил, почитание предков и другие религиозные представления. Эти религиозно-философские концепции обусловили появление в архитектуре храмов таких элементов, как алтари,

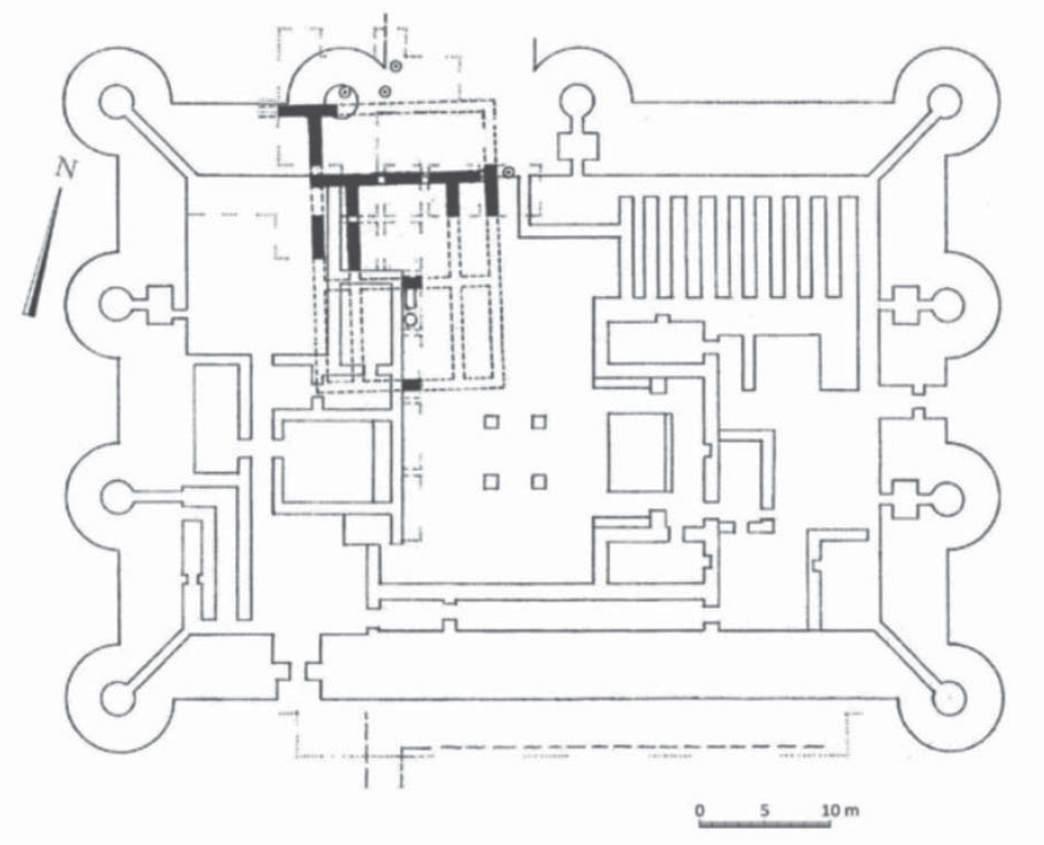

Рис. 2. План храма с центральным залом (Джаркутан) (по: Huff, 2000, p. 67).
Fig. 2. Plan of the temple with the central hall (Jarkutan) (according to Huff, 2000, p. 67).

священные огненные жертвенники, водные резервуары и ритуальные площадки. Так, в храме Тоголока-21 были обнаружены помещения для приготовления священного напитка, а в центральной части Гонура – ритуальные сооружения, связанные с водным культом, что является наглядным выражением указанных верований (Sarianidi, 1986; Сарианиди, 2004, с. 38–51). Следует отметить, что интерпретация этих элементов как культовых требует осторожности и сопоставления с контекстом находок.

Предлагаемая типология основана на комплексном анализе объективных археологических данных, а не на априорных функциональных определениях. В качестве основных критериев для выделения типов выбраны:

1) архитектурная планировка (общая конфигурация сооружения, система помещений);

2) организация внутреннего пространства (распределение функциональных зон, характер проходов и коммуникаций);

3) наличие специфических архитектурных элементов (стационарные алтари, ритуальные очаги, водные резервуары, платформы).

Синтез этих критериев и анализ артефактов, обнаруженных in situ, позволяет перейти от общих интерпретаций к верифицируемой классификации.

Тип А. Монументальные комплексы с центральным залом и стационарным алтарём. Яркими примерами данного типа служат сооружения на городищах Джаркутан (Бактрия) (рис. 2) и Тоголок-21 (Маргиана) (рис. 4). Планировочным ядром комплекса является крупное квадратное или прямоугольное помещение (площадью до 150–200 кв. м), часто выделенное массивными стенами и ориентированное по сторонам света. Вход в таких сооружениях, как правило, один, и он может быть усложнен системой коридоров или последовательностью помещений, создающих эффект выделения сакрального пространства. Доминантой интерьера служит монументальная ступенчатая или платформенная конструкция из сырцового кирпича или пахсы, интерпретируемая как алтарь и расположенная в центре или у дальней (обычно западной) стены. Алтарь иногда окружает невысокая ограда или подиум.

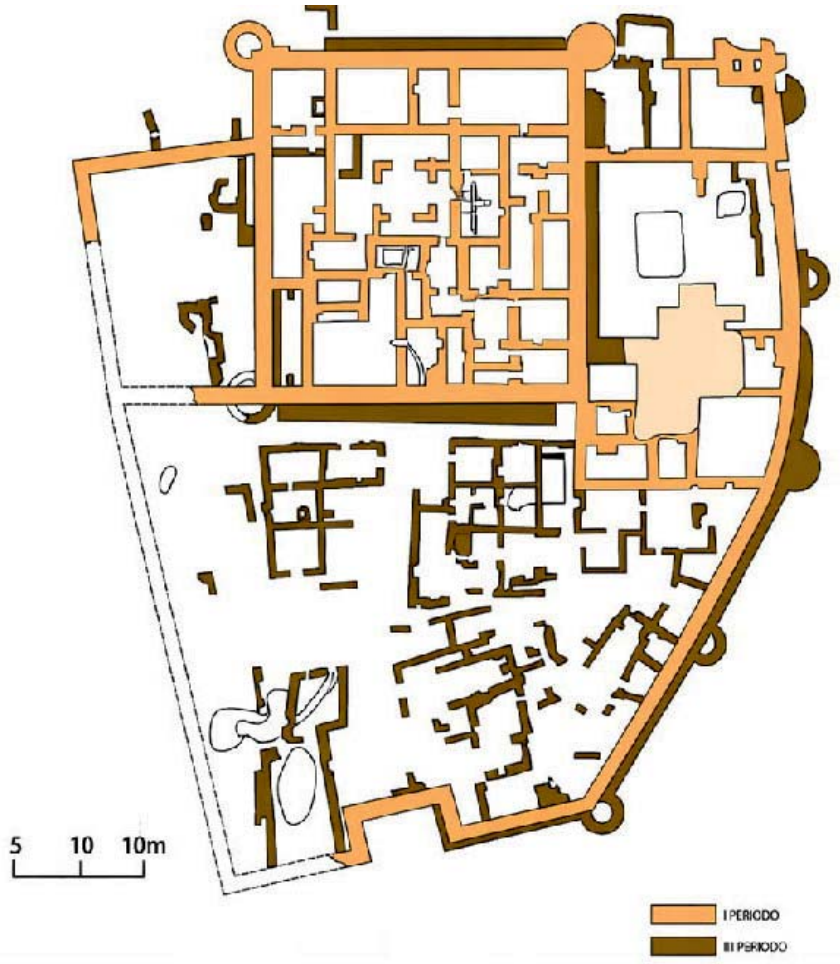

Рис. 3. План многоалтарного комплекса (Тоголок-1) (по Сарианиди, 1998, рис.52).
Fig. 3. Plan of the multi-altar complex (Togolok-1) (according to Sarianidi, 1998, fig.52).

Вокруг центрального зала могут группироваться небольшие вспомогательные комнаты, лишенные столь выраженных архитектурных доминант.

На поверхности и у подножия алтарей фиксируются мощные прослойки прокаленной глины и золы – свидетельства многократного разведения ритуального огня. Рядом обнаруживаются специализированные сосуды, тонкостенные кубки на высоких поддонах для возлияний, небольшие чаши-жаровни для сожжения ароматических веществ (Сарианиди, 2010, с. 78). Совокупность находок указывает не только на проведение здесь публичных или элитарных церемоний, связанных с алтарем как фокусом сакрального действия, но и убедительно свидетельствует о сакральном статусе центрального зала.

На основании вышесказанного можно утверждать, что архитектура и инвентарь убедительно свидетельствуют о преимущественно культовой функции сооружений этого типа. Данные храмовые комплексы – это пространства, предназначенные для проведения церемоний и, возможно, используемые ограниченным кругом лиц.

Тип Б. Многоалтарные ритуальные сооружения. Классическим образцом этой типологической группы является комплекс Тоголок-1 (Сарианиди, 1990а; Sarianidi, 1981, 1990) в Маргиане. Архитектура этого типа радикально отличается от первого. Вместо единого доминантного пространства мы наблюдаем здесь множество (от 7 до 12) стандартизированных, небольших прямоугольных помещений, объединенных вокруг центрального двора или коридора (рис. 3). Каждое такое помещение оборудовано собственным, тщательно выложенным из кирпича квадратным очагом-алтарем, часто с небольшой нишей в стене рядом с ним. Помещения изолированы друг от друга, входы в них

ведут из общего пространства (Sarianidi, 1998, p. 90–91). Подобная планировка указывает на коллективный характер ритуальной практики и высокую интенсивность культовой деятельности (Курбонов, 2024).

Находки в каждом из помещения однотипны и образуют четкий «ритуальный набор». У очагов обнаружены остатки углей и пепла. Рядом находятся специальные каменные ступки и песты, керамические сосуды с остатками растительных веществ (предположительно, эфедры или конопли), а также мелкие чаши и курильницы (Сарианиди, 1990, 1990a, 2010, с. 69–83). Важным индикатором является обнаружение в некоторых помещениях личных печатей-амулетов с уникальными изображениями. Этот комплекс связан с проведением индивидуализированных, но коллективно организованных ритуалов, вероятно предназначенных для приготовления и употребления психоактивного напитка (хаомы/сомы) (Сарианиди, 2010).

Таким образом, можно утверждать, что ритуальная архитектура типа Б указывает на иное по сравнению с постройками типа А, более «клеточное» и скорее корпоративное единство группы посвященных, совершающих параллельные обряды в многоалтарных сооружениях, и, возможно, на менее иерархичную социальную структуру организации отправления в них культа.

Тип В. Интегрированный комплекс. Наиболее сложный и масштабный тип, служил дворцово-храмовым комплексом Северного Гонура (рис. 5) в Маргиане. Данное сооружение представляет собой не отдельное здание, а обширный архитектурный ансамбль, обнесённый стеной (теменос), внутри которого соединены разнородные зоны: парадная/культовая (двор с алтарём или бассейном), жилая (блоки комнат), хозяйственно-административная (склады, мастерские, архив печатей и булл) и мемориальная (элитный некрополь) (рис. 4; Сарианиди, 2007).

Полифункциональность ансамбля доказывается различием находок в отдельных его секторах. В частности, в культовом секторе фиксируются ритуальные сосуды, культовая пластика, а также обнаружены следы огненных церемоний, что подтверждает сакральную функцию этой части комплекса (Сарианиди, 1998, с. 82–90).

В административном секторе (ряд помещений у главного входа) сконцентрированы сотни глиняных булл (оттисков печатей) и самих печатей, что свидетельствует о централизованном контроле над товаропотоками, распределением ресурсов и ведением административного учета (Сарианиди, 2007).

В хозяйственных помещениях обнаружены крупные хранилища с зерном, а в прилегающих мастерских – литейные формы, тигли, шлаки и заготовки для производства металлических изделий. Это указывает на прямой контроль местной элиты над ремесленным производством и стратегическими запасами продовольствия (Hiebert, Lamberg-Karlovsky, 1992; Francfort, 2009).

Богато оформленные жилые покои, где найдены предметы роскоши (украшения, импортная керамика, изделия из полудрагоценных камней), однозначно говорят об элитарном, вероятно, правящем статусе его постоянных обитателей (Sarianidi, 1998, p. 111–113).

На основании приведённых данных Северный Гонур невозможно охарактеризовать исключительно как «храм». Это протогородской общественный центр, где в одном сооружении были сконцентрированы ключевые функции управления, производства, идеологии. Здесь же располагалась резиденция правящей верхушки. Религиозный компонент здесь важен, но он встроен в более широкую систему власти и контроля.

Таким образом, данный тип представляет собой интегрированный центр власти, где религиозные, административные, экономические и резиденциальные функции сосуществуют в едином, укрепленном архитектурном комплексе. Здесь нельзя отделить «храм» от «дворца» или «склада» – это целостный институт управления обществом БМАК на высшем уровне.

Проблема социальной структуры общества БМАК напрямую связана с интерпретацией монументальных комплексов. Если они были центрами власти, то кто ими управлял? Обособленная жреческая корпорация или синкретичная военно-религиозная элита? Ключ к ответу даёт анализ погребальной практики, в частности материалов элитного некрополя Гонура, изученного В.И. Сарианиди (Sarianidi at al., 2010) и Н.А. Дубовой (Дубова, 2004; Dubova, 2021).

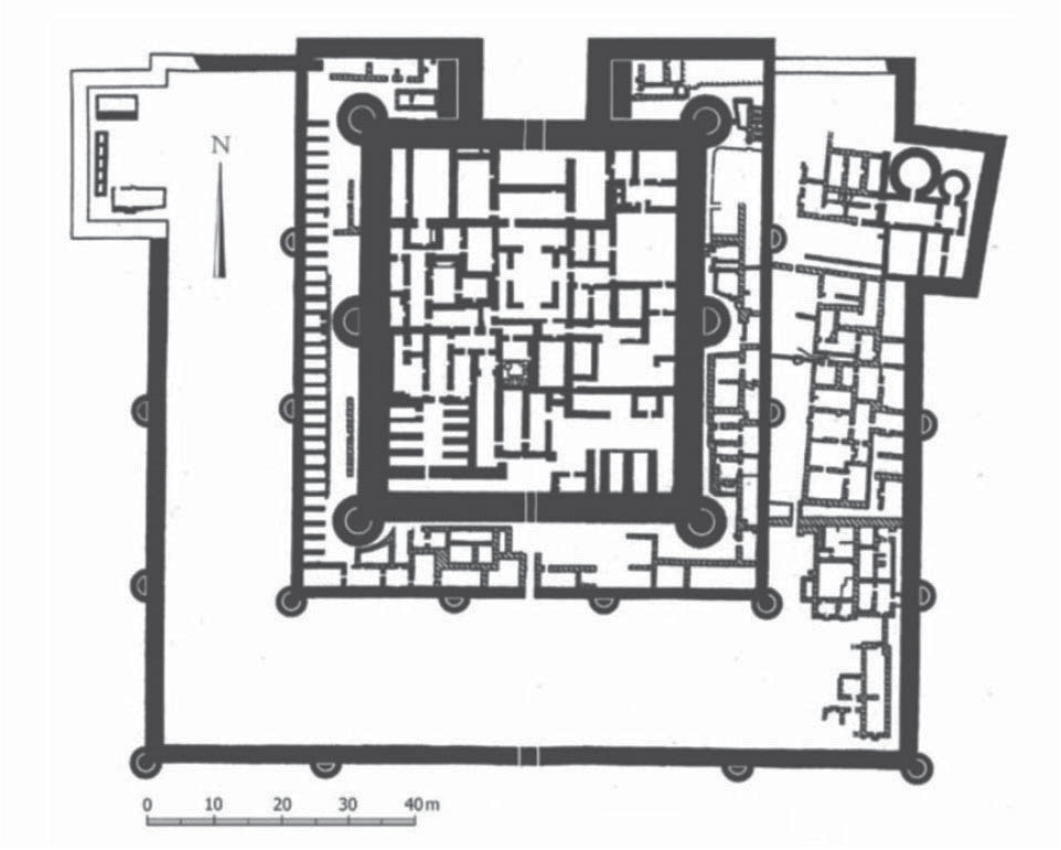

Рис.4. План комплекса Тоголок-21 (по: Сарианиди, 1998, рис.42).
Fig.4. Plan of the complex of Togolok-21 (according to Sarianidi, 1998, fig.42).

Археологические исследования погребальных комплексов Гонура демонстрируют наличие яркой имущественной и статусной дифференциации. Крупные погребальные камеры резко контрастируют с рядовыми захоронениями. Погребальный инвентарь элитных погребений включает изделия из золота и серебра, полудрагоценные камни (лазурит, сердолик, бирюза), импортную расписную керамику и сложные композитные украшения (**Хамидов,** Каттаева, 2025), в том числе уникальные мозаичные композиции (Дубова и др., 2019). **Этот факт свидетельствует о существовании привилегированного высшего слоя**, контролировавшего доступ к дефицитным ресурсам и трансрегиональным торговым сетям.

Однако более детальный анализ ставит под сомнение гипотезу о существовании в рамках этой элиты узкоспециализированных профессиональных групп, в частности предложенную В.И. Сарианиди интерпретацию Гонура как центра жреческой власти (Сарианиди, 2007, 2010). В одних и тех же богатых погребениях артефакты, традиционно связываемые с различными сферами власти, встречаются совместно. С одной стороны, это предметы возможного ритуального статуса: специальные тонкостенные сосуды (возможно, для возлияний или курений), жезлы или булавы из драгоценных материалов, украшения с солярной или астральной символикой. С другой стороны, военно-административная функция подтверждается наличием бронзового оружия (кинжалы, топоры) и символических «скипетров» как знаков власти и, что особенно важно, печатей и булл. Последние выступают прямыми инструментами административного контроля над имуществом, учётом и распределением (Sarianidi at al., 2010). Такое сочетание не позволяет чётко выделить «чисто жреческие» или «чисто воинские» захоронения. Данная картина скорее свидетельствует о нерасчленённости, синкретизме властных функций у представителей верхушки общества БМАК.

Таким образом, материалы погребального обряда, при всей их выразительности, не дают оснований говорить о существовании обособленного и доминирующего жреческого сословия. Вместо этого они указывают на

Рис. 5. План интегрированного комплекса (Северный Гонур) с выделением зон: культовая, административная, хозяйственная (по: Сарианиди, 1998, рис.67).
Fig. 5. Plan of the integrated complex (North Gonur) with the following zones highlighted: cult, administrative, economic (according to Sarianidi, 1998, fig.67).

формирование универсальной, консолидированной элиты, в руках которой были сосредоточены ключевые рычаги управления, религиозно-идеологический авторитет, военная сила и хозяйственно-административный контроль. Наиболее адекватными представляются модели синкретичного статуса «вождь-жрец» или тесного кланового альянса, где одни и те же семьи или лица осуществляли комплекс сакральных и светских функций. Эта интерпретация хорошо согласуется с полифункциональным характером самих монументальных комплексов (тип В, Гонур), которые служили одновременно и храмом, и дворцом, и административным центром.

Проведенное исследование, основанное на системном анализе архитектуры, инвентаря и сравнительных данных, позволяет пересмотреть интерпретации монументальных комплексов БМАК и сделать следующие выводы:

Предложенная типология отражает разнообразие общественных институтов: от специализированных культовых сооружений (типы А, Б) до интегральных протогородских центров (тип В).

Анализ находок, особенно для комплексов типа В, подтверждает их полифункциональный характер, при котором ритуальная деятельность неотделима от управления ресурсами, ремесленного производства и проживания элиты.

Данные не подтверждают существование доминирующего обособленного жреческого сословия, однако свидетельствуют о формировании так называемой консолидированной элиты, в руках которой были сосредоточены религиозные, военные и хозяйственные рычаги власти.

Исходя из вышеизложенного, монументальные комплексы БМАК на территории Центральной Азии в эпоху бронзы могут быть определены как многофункциональные общественно-культовые центры. Они играли роль ключевых институтов, обеспечивавших социальную интеграцию, идеологическое единство и экономическое управление в условиях формирования стратифицированных обществ. Данный вывод носит гипотетический характер и базируется на совокупности таких косвенных признаков, как: монументальная архитектура, наличие артефактов

административного контроля (печати, буллы), следы ремесленного производства и элитные погребения. Прямых свидетельств выполнения указанных функций на данный момент не выявлено. Тем не менее применение типологического подхода и детальный анализ материальных остатков позволяют реконструировать механизмы функционирования обществ БМАК даже при отсутствии письменной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Аскаров А., Ширинов Т. Раскопки монументального храма на Джаркутане // Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Фан, 1985. С. 16–17.

Аскаров А.А. Древнебактрийский храм огня на Джаркутане // Культура Среднего Востока / под ред. Г.А. Пугаченковой. Ташкент: Фан, 1989. С. 7–27.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации: сборник статей к 75-летию В.И. Сарианиди / Ред. М.Ф. Косарев, П.А. Кожин, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2004. С. 254–280.

Дубова Н.А., Ковалева Н.А., Вересоцкая Г.Э., Юминов А.М. Мозаики бронзового века из некрополя Гонур-депе (Туркменистан): технологии и символика // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 35–48.

Курбонов А.М. Алтын-Депе – древнейшее место культовое место в Средней Азии // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 107–110.

Курбонов А.М. Инновационные процессы в храмовых сооружениях Центральной Азии в эпоху бронзы // Археология Евразийских степей. 2024. № 5. С. 322–336.

Сарианиди В.И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. 1977а. № 1. С. 203–224.

Сарианиди В.И. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1984. Вып. 7. С. 5–17.

Сарианиди В.И.. Раскопки монументальных зданий на Дашли-3 // Древняя Бактрия / Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. САЭ. Вып. 3 / Отв.ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1984. С. 5–32

Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–170.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

Сарианиди В.И. 1990а. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане // ВДИ. 1990. № 2 (193). С. 161–167.

Сарианиди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1. С. 148–168.

Сарианиди В.И. Храм воды в Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Miras. 2004. № 3. С. 38–51, 84–97, 130–143.

Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. №1. С. 49–63.

Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 202 с.

Хамидов О. А., Каттаева Г. Ч. Типология ожерелий культуры Сапалли // *Поволжская археология*. 2025. № 4 (54). С. 148–160.

Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б. Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Институт археологии АН РУз, 1999. С. 19–26.

Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Самарканд. 2009. 350 с.

Шайдуллаева Г.Ш., Курбонов А.М. Отражение зороастризма в храмах Средней Азии эпохи бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 294–301.

Dubova N. A. The "Royal Necropolis" at Gonur Depe: an attempt at systematization (plan, constructions, rituals) // The World of the Oxus Civilization / edited by Bertille Lyonnet and Nadezhda A. Dubova. London; New York : Routledge, 2021. P. 247–278.

Francfort. H.-P. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique: l'âge du bronze en Bactriane orientale et le déclin des civilisations urbaines du 3e millénaire. Lille, 1984.

Francfort H.P. The archaic temples of Central Asia: a comparison with Near Eastern models // Cambridge archaeological journal. 1994. Vol. 4, issue 1. P. 37–60.

Francfort H.-P., Fussman, G., Kellens J., Tremblay X. Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale. Paris: de Boccard, 2005. 209 p.

Francfort H.-P. L'âge du bronze en Asie centrale: La civilisation de l'Oxus // Anthropology of the Middle East. 2009. No. 4(1). P. 91–111.

Hiebert Fredrik T., Lamberg-Karlovsky Carl C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands // *Iran. 1992. №* 30. P. 1–15.

Lamberg-Karlovsky C.C. The Bronze Age 'khanates' of Central Asia." //Antiquity. 1994. № 68 (259). P. 398–405.

Salvatori S. Seals of Bactria and Margiana: A New Assessment of their Chronological Position and a Typological Study // East and West. 2000. Vol. 50, No. 1/4. P. 97–145

Sarianidi V.I. Margiana in the Bronze Age: The Study of Bronze Age sites in the lower Murghab // The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries / Ed. P.L. Kohl. New York: M.E. Sharpe, 1981. P. 165–220.

Sarianidi V.I. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane // Arts Asiatiques. 1986. Vol. XLI. P. 5–21.

Sarianidi V.I. Ein aussergewöhnlicher Tempel komplex von Togolok in Turkmenien // Das Altertum. 1990. Bd. 36. P. 167–176.

Sarianidi V.I. Excavations at Southern Gonur // Iran. 1994. Vol. XXXI. L. P. 25–38.

Sarianidi V.I. Margiana and protozoroastrism. Athens: Kapon editions, 1998. 190 p.

Информация об авторах:

Курбонов Абдусамад Мелигалиевич, преподаватель кафедры источниковедения и истории Узбекистана, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Шайдуллаев Шапулат Базарович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой источниковедения и истории Узбекистана, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); shapulat@mail.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия), доцент кафедры археологии, Термезский государственный университет (г.Термез, Узбекистан) veer47@mail.ru

Фахрутдинов Раиль Равилович, профессор**,** доктор исторических наук, Казанский федеральный университет (г. Казань, Россия); RaiRFahrutdinov@kpfu.ru

Голубева Екатерина Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); kategol@mail.ru

REFERENCES'

Askarov, A., Shirinov, T. 1985. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii «Tvorcheskoe nasledie narodov Srednei Azii v pamiatnikakh iskusstva, arkhitektury i arkheologii» (Abstracts of papers presented at the scientific conference "The creative heritage of the peoples of Central Asia in works of art, architecture and archaeology").* Tashkent: "Fan" Publ., 16–17 (in Russian).

Askarov, A. A. 1989. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Kultura Srednego Vostoka (The culture of the Middle East).* Tashkent: "Fan" Publ., 7–27 (in Russian).

Dubova, N. A. 2004. In Kosarev, M. F., Kozhin, P. A., Dubova, N. A. (eds.). *U istokov tsivilizatsii (Near the Sources of Civilizations).* Moscow: "Stariy sad" Publ., 254–280 (in Russian).

Dubova, N. A., Kovaleva, N. A., Veresotskaya, G. E., Yuminov, A. M. 2019. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 47 (4), 35–48 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 107–110 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 322–336 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) 2, 20–28 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1984. In *Informatsionnyi biulleten MAIKTsA (IAICCB Newsletter)* 7, 5–17 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1984. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Drevniaia Baktriia (Ancient Bactria).* Series: Materialy Sovetsko-Afganskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Soviet-Afghan archaeological expedition) 3. Moscow: "Nauka" Publ., 5–32 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1989. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 1, 152–170 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1990. *Drevnosti strany Margush (Antiquity of Margush country).* Ashkhabad: "Ylym" Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1990a. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 2 (193), 161–167 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1997. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* 1, 148–168 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 2004. In *Miras* (3), 38–51, 84–97, 130–143.

Sarianidi, V. I. 2007. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 81–90 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 2010. *Zadolgo do Zaratushtry (Arkheologicheskie dokazatel'stva protozoroastrizma v Baktrii i Margiane) Long before Zaratushtra (archaeological evidences of Protozoroastrianizm in Bactria and Margiana).* Moscow: "Staryy sad" Publ. (in Russian).

Khamidov, O. A., Kattaeva, G. Ch. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 54 (4), 148–160 (in Russian).

Khuff, D., Shaydullaev, Sh. B. 1999. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 19–26 (in Russian).

Shaidullaev, Sh. B. 2009. *Etapy vozniknoveniia i razvitiia gosudarstvennosti na territorii Uzbekistana (na primere Baktrii) (The stages of the emergence and development of statehood on the territory of Uzbekistan (using Bactria as an example)).* Samarkand (in Russian).

Shaidullaeva, G. Sh., Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 294–301 (in Russian).

Dubova, N. A. 2021. In Lyonnet, Bertille and Dubova, Nadezhda (eds.). *The World of the Oxus Civilization*. London; New York : Routledge, 247–278.

Francfort, H.-P. 1984. *Recherches sur l'Asie centrale protohistorique: l'âge du bronze en Bactriane orientale et le déclin des civilisations urbaines du 3e millénaire.* Lille.

Francfort, H. P. 1994. In *Cambridge archaeological journal*. Vol. 4, issue 1, 37–60.

Francfort, H.-P., Fussman, G., Kellens, J., Tremblay, X. 2005. *Aryas, Aryens et Iraniens en Asie Centrale*. Paris: de Boccard.

Francfort, H.-P. 2009. In *Anthropology of the Middle East* 4(1), 91–111 (in French).

Hiebert, Fredrik T., Lamberg-Karlovsky, C. C. 1992. In *Iran* (30), 1–15.

Lamberg-Karlovsky, C. C. 1994. In *Antiquity* 68 (259), 398– 405.

Salvatori, S. 2000. In *East and West*. Vol. 50, No. 1/4, 97–145.

Sarianidi, V. I. 1981. In Kohl, P.L. (ed.). *The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries.* New York: M.E. Sharpe, 165–220.

Sarianidi, V. I. 1986. In *Arts Asiatiques* XLI, 5–21.

Sarianidi, V. I. 1990. In *Das Altertum* 36, 167–176.

Sarianidi, V. I. 1994. In *Iran* XXXI. L, 25–38.

Sarianidi, V. I. 1998. *Margiana and protozoroastrism*. Athens: Kapon editions.

About the Authors:

Kurbonov Abdusamad M., Lecturer at the Department of Source Studies and History of Uzbekistan, Termez State University (Termez, Uzbekistan); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Shaidullaev Shapulat B., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Source Studies and History of Uzbekistan, Termez State University (Termez, Uzbekistan); shapulat@mail.ru

Vorobeva Elena E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and Ethnology, Kazan Federal University (Kazan, Russia) veer47@mail.ruveer47@mail.ru

Fakhrutdinov Rail R., Professor, Doctor of Historical Sciences, Kazan Federal University (Kazan, Russia); RaiRFahrutdinov@kpfu.ru

Golubeva Ekaterina N., Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman str., 20, Kazan, 420111, Russian Federation; kategol@mail.ru

Статья поступила в журнал 30.11.2025 г.
Статья принята к публикации 14.04.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу